

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 (14)

2015

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдигов

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:

Р.С. Хакимов — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)

Х.А. Амирханов — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)

И. Бальдауф — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)

П. Георгиев — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)

Е.П. Казаков — доктор исторических наук (Казань, Россия)

Н.Н. Крадин — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)

А. Тюрк — PhD (Будапешт, Венгрия)

И. Фодор — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)

В.Л. Янин — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)

М.Ш. Галимова — кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Р.Д. Голдина — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)

И.Л. Измайлов — кандидат исторических наук (Казань, Россия)

С.В. Кузьминых — кандидат исторических наук (Москва, Россия)

А.Е. Леонтьев — доктор исторических наук (Москва, Россия)

Т.Б. Никитина — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)

Ответственный за выпуск:

Б.Л. Хамидуллин — кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Адрес редакции:

420012 г. Казань, ул. Бултерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2015

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2015

© Журнал «Поволжская археология», 2015

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologic.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2015

© Mari State University, 2015

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Бугров Д.Г.</i> Комплекс находок из разрушенного раннесредневекового погребения на севере Татарстана	7
<i>Казаков Е.П., Салугина Н.П.</i> Полянское III селище (к проблеме освоения Закамья населением именьковской культуры)	35
<i>Колода В.В.</i> Контакты славянского мира и хазарского каганата на Северском Донце: этнокультурный аспект	54
<i>Флёров В.С., Флёрова В.Е.</i> Знаки на кирпичах Семикаракорской крепости	92
<i>Губайдуллин А.М., Мухамадиев А.Г.</i> О фортификации городищ западного Поволжья	116
<i>Бадеев Д.Ю., Валиев Р.Р.</i> Планировка золотоордынского Болгара: история и перспективы исследования	127
<i>Жолобов А.И., Кирыгин К.В., Газимзянов И.Р.</i> Медико-криминалистические исследования повреждений на черепках из раскопок Болгарского городища	137
<i>Кубанкин Д.А.</i> Изучение археологических объектов на территории Увекского городища в 2014 г. (предварительное сообщение)	150
<i>Бочаров С.Г.</i> Заметки путешественников XIV–XV веков о городе Каффа	172
<i>Бочаров С.Г., Масловский А.Н.</i> Наиболее массовые типы поливных импортов крымского производства и некоторые вопросы торговли в Восточной Европе в XIV в.	189

Дискуссии

<i>Иванов В.А.</i> Угры Предуралья: продолжение темы	201
<i>Измайлов И.Л.</i> Вопрос об археологическом определении этноса: продолжение темы	220
<i>Напольских В.В.</i> К методологии палеоисторических реконструкций	235
<i>Руденко К.А., Казаков Е.П.</i> К вопросу о роли кочевников в развитии материальной культуры Волжской Булгарии и болгарского улуса Золотой Орды	266

Заметки

<i>Кузьминых С.В., Виноградов Н.Б.</i> Бронзовая секира из Златоустовского музея.....	274
<i>Адамов А.А.</i> Археологические исследования на Кучумовом городище (Искере) в 2014 году	291
<i>Беляев А.А., Нуретдинова А.Р.</i> Сфероконические сосуды раскопа CLXV Болгарского городища	301
<i>Кочкина А.Ф., Левыкина Т.А.</i> Погребальные калиги из Малорязанского могильника золотоордынского времени на Самарской Луке: проблемы реставрации и атрибуции	311

Хроника

<i>Валиулина С.И., Кочкина А.Ф., Хузин Ф.Ш.</i> Поиски и открытия Е.А. Халиковой в археологии Волго-Камья (к 85-летию со дня рождения)	324
<i>Бугров Д.Г., Галимова М.Ш.</i> 50-летие А.А. Чижевского	333
<i>Гарустович Г.Н., Горбунов В.С., Злыгостев В.А., Иванов В.А., Морозов Ю.А., Обыденнова Г.Т., Обыденнов М.Ф., Пшеничнюк А.Х.</i> Памяти Н.А. Мажитова (1933-2015).....	338
<i>Кочкина А.Ф.</i> Памяти Е.А. Беговатова (1937–2015)	341
Список сокращений	346
Правила для авторов	348
Авторский указатель	354

CONTENTS

Articles

<i>Bugrov D.G.</i> Complex of finds from a destroyed early medieval burial in the north of Tatarstan	7
<i>Kazakov E.P., Salugina N.P.</i> Polyanskoe III settlement (on the issue of exploration of the lands across the Kama River by the imenkovo population)	35
<i>Koloda V.V.</i> Relationships between the Slavic world and the Khazar Kaganate on the Seversky Donets river: an ethnocultural aspect	54
<i>Flyorov V.S., Flyorova V.E.</i> Signs on bricks of the Semikarakorsk fortress	92
<i>Gubaidullin A.M., Mukhamadiev A.G.</i> On fortification of ancient settlements of the western Volga region	116
<i>Badeev D.Yu., Valiev R.R.</i> Plan of the Golden Horde Bolgar town: history and perspectives of research	127
<i>Zholobov A.I., Kiryagin K.V., Gazimzyanov I.R.</i> Medical-forensic research of injuries on the skulls discovered during archaeological excavations on Bolgar fortified settlement	137
<i>Kubankin D.A.</i> Examining archaeological objects on the territory of the Uvek fortified settlement in 2014 (preliminary report)	150
<i>Bocharov S.G.</i> Travelers' notes (14 th –15 th centuries) about the town of Caffa	172
<i>Bocharov S.G., Maslovskiy A.N.</i> The most widespread glazed imports of Crimean production and some issues relating to East European trade in the 14th century	189

Discussions

<i>Ivanov V.A.</i> Ugric peoples in the Cis-Ural region: continued	201
<i>Izmaylov I.L.</i> On archaeological definition of ethnic group: continued	220
<i>Napolskikh V.V.</i> On the methodology of palaeohistorical reconstructions	235
<i>Rudenko K.A., Kazakov E.P.</i> On the role of the nomads in development of material culture of the Volga Bulgaria and the bulgarian ulus of the Golden Horde	266

Notes

<i>Kuzminykh S.V., Vinogradov N.B.</i> Bronze poleaxe from Zlatoust museum	274
<i>Adamov A.A.</i> Archaeological research at Kuchumovo hillfort (Isker) in 2014	291

<i>Nuretdinova A.R., Belyaev A.V.</i> Sphero-conical vessels from dig CLXV at Bolgar fortified settlement	301
<i>Kochkina A.F., Levykina T.A.</i> Funerary kaliga from Malaya Ryazan burial ground of the Golden Horde time on the Samarskaya Luka: problems of restoration and attribution	311

Chronicle

<i>Valiulina S.I., Kochkina A.F., Khuzin F.Sh.</i> E.A. Khalikova's Searches and Discoveries in the Volga-Kama Archaeology (on the occasion of her 85th birthday).....	234
<i>Bugrov D.G., Galimova M.Sh.</i> A.A. Chizhevsky's 50th Anniversary	333
<i>Garustovich G.N., Gorbunov V.S., Zlygostev V.A., Ivanov V.A., Morozov Iu.A., Obydenнова G.T., Obydenнов M.F., Pshenichniuk A.Kh.</i> Ad memoriam N.A. Mazhitov (1933–2015).....	338
<i>Kochkina A.F.</i> Ad memoriam E.A. Begovatov (1937–2015)	341
List of abbreviations	346
Submissions	348
Index of the authors	354

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги!

С 1 декабря 2015 года журнал «Поволжская археология» включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и на соискание ученой степени доктора наук (см. Перечень, поз. № 1016). Это прекрасный повод, чтобы донести до наших авторов и читателей журнала искренние поздравления и благодарности за сотрудничество с нами.

За относительно небольшой период существования журнала, с 2012 года, на страницах «Поволжской археологии» опубликовано около 300 научных статей, авторами которых являются известные ученые как из региональных (преимущественно поволжско-уральских), так и центральных (Москва, Санкт-Петербург) и зарубежных (Германия, Болгария, Украина, Молдавия, Казахстан, Узбекистан) научных центров. Надеемся, что в будущем авторский контингент журнала еще более расширится, в первую очередь, за счет будущих кандидатов и докторов наук.

Новый статус журнала налагает на нас еще большую ответственность за качество публикаций, основным требованием к которым являются актуальность и новизна материалов. Наш журнал публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, археозоология, нумизматика, эпиграфика и др.), посвященные изучению различных аспектов истории древнего и средневекового населения поволжско-уральского региона и взаимосвязей его с народами соседних регионов.

Прошу уважаемых авторов обратить внимание на некоторые изменения, внесенные в Правила оформления статей.

Желаю всем плодотворного сотрудничества во благо нашей науки!

Дискуссии

УДК 902

УГРЫ ПРЕДУРАЛЬЯ: ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ

© 2015 г. В.А. Иванов

Статья является ответом на критику концепции об угорском присутствии в Прикамье и Предуралье в эпоху раннего средневековья, прозвучавшую на XIX Уральском археологическом совещании в г. Сыктывкаре в 2013 г. Особенно резко выступили Р.Д.Голдина и В.В.Напольских с критикой результатов статистического анализа археологического материала, проведенного автором настоящей статьи и легшего в основу этой концепции. Некоторые замечания действительно оказались справедливыми. В настоящей статье автор приводит результаты статистического анализа погребального обряда археологических культур Прикамья и Предуралья второй половины I тыс. н.э., синхронных им культур лесного Зауралья и Западной Сибири и могильников древних венгров (периода Арпада) на Дунае, заново проведенного им с учетом высказанной критики. Излагаются принципы отбора исходного материала и методика его статистического анализа. Исследования позволяют прийти к выводу: ломоватовская, неволинская, полумская культуры в Прикамье, кушнаренковская и караякуповская культуры в лесостепном Предуралье, культуры лесного Зауралья и Западной Сибири, в сущности, представляют собой один этнокультурный ареал (ЭКА), типологически связанный с археологической культурой древних венгров. В заключение автор предлагает временно отказаться от попыток объединения данных археологии и исторической лингвистики для этнических реконструкций и объяснить на основе современных методов анализа археологического материала феномен высокого типологического сходства указанных выше культур. Или доказать его отсутствие.

Ключевые слова: археология, Прикамье, Предуралье, раннее средневековье, угры, погребальный обряд, статистика, представительная выборка, типологическое сходство, этнокультурный ареал.

В 2009 г., когда увидела свет книга А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой и автора этих строк «Угры Предуралья в древности и средние века». В предисловии к ней мы выражали надежду на то, что она послужит толчком к развернутой и конструктивной дискуссии по проблеме участия древних угров в формировании этнической карты Прикамья и Приуралья. Имея в виду («между строк») и возможное прове-

дение специальной международной конференции по этой теме. Тем более что тема давняя, непосредственно касающаяся научных интересов наших венгерских и украинских коллег. К сожалению, ожидаемая дискуссия фактически вылилась в несколько статей, авторы которых, сторонники и оппоненты угорской теории, обменялись язвительными сентенциями в адрес друг друга (Мельничук, Чагин,

2010; Пастушенко, 2009; 2011; Белавин, Иванов, 2011; Коренюк, Мельничук, 2011; Голдина, Напольских, 2013; Голдина, 2013; Иванов, 2014; Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2014), и на этом все и кончилось...

В ходе взаимной пикировки выяснилось, что основными «доводами» оппонентов являются, во-первых, упование на собственный научный авторитет (отсюда некоторое менторство в интонациях); во-вторых, стремление как можно глубже уязвить своих оппонентов (по этому поводу Р.Д. Голдина даже сделала замечание, хотя и не совсем справедливое, ибо сама оказалась не совсем корректной в своих упреках в «прямой фальсификации фактов» оппонентами, см.: Голдина, 2012, с. 89), но вполне уместное в смысле предостережения от риска в запальчивости переступить черту научной этики; в-третьих, совершенно очевидным стало то, что всем нам необходимо кардинально и критически пересмотреть свое собственное понимание смысла и цели научной дискуссии.

Здесь, прежде всего, следует обратить внимание на то, что, коль скоро наши доводы по поводу той или иной проблемы воспринимаются коллегами критически, значит, их нужно или пересмотреть или дополнить новыми, более весомыми доводами. В этой связи я хочу остановиться на оценке Р.Д. Голдиной и В.В. Напольских моих статистических таблиц по погребальному обряду древних угров Предуралья, приведенных в названной выше нашей с А.М. Белавиным и Н.Б. Крыласовой монографии. Для пояснения ситуации я должен привести пространную цитату из статьи названных авторов: «Жаль, что авторы не

указали, какие разделы написаны каждым из них, и только знакомство с их предшествующими работами позволяет определить, какие главы кем написаны. При этом произведение просто изобилует разнообразными ошибками. Например, разделы, посвященные погребальному обряду написаны, очевидно, В.А. Ивановым, причем частично эти данные им уже были опубликованы (Иванов, 1999). В.А. Иванов является одним из первопроходцев в области применения математики в археологии Приуралья, традиционно коллеги доверяли его цифрам, считая, что его статистика тщательно выверена. Но в рассматриваемой книге это не так. Например, по такому признаку, как ориентировка погребенных, число процентов должно обязательно равняться 100, причем обычно в таблицах дают две графы: абсолютное число погребений и соответствующий процент. В.А. Иванов в рассматриваемой книге пренебрег числом погребений, оставив только проценты. **Возможно, чтобы сложнее было проверить** (выделено здесь и далее мной. – *В.И.*). После пересчета последних на нескольких таблицах, оказалось, что ни в одном случае число процентов не равно 100, оно чаще всего меньше, иногда больше, например (приводим только наиболее удивительные цифры): табл. 16, Зуевский могильник – 97%, Шиповской могильник – 86,9%, Уфимский могильник – 95,2%; табл. 19, гороховская культура – 104,6%; табл. 21: Неволино – 47%, Караякупово – 101,4%, «угры Западной Сибири» – 86%. Подобные же странности мы находим и в процентах, отражающих позу погребенных в табл. 19 и т.д.

Очевидно, что при создании источниковой базы по погребальному

обряду в рассматриваемой книге В.А. Ивановым были допущены грубейшие ошибки, которые не позволяют считать эту базу достоверной, и все последующие исчисления по коэффициентам формально-типологического сходства, тенденциям признака, норме распределения и т.д. не имеют доказательной базы. То есть около 100 страниц текста разделов о погребальных обрядах культур «угорского круга», не могут быть использованы для научного анализа» (Голдина, Напольских, 2013, с. 90 и сл.).

Вообще-то в обыденном сознании сие означает, что автор рецензируемого текста (в данном случае – статистических таблиц) либо шарлатан, либо дилетант в методике источниковедческого анализа археологического материала. Для приближения к истине обратимся к «первоисточнику», т.е. означенным таблицам. Начнем с табл. 16 «Альтернативные признаки погребального обряда могильников эпохи раннего железного века Южного Предуралья» (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 60). Она сопровождается следующей текстовкой (здесь я вынужден привести еще одну пространную цитату): «Этот процесс очень хорошо прослеживается на материалах могильников карабызской культуры. В.В. Овсянников и А.Ф. Яминов в свое время провели сравнительно-типологический анализ погребального обряда ананьинской, пьяноборской и карабызской культур на предмет выяснения культурной принадлежности Уфимского могильника IV–III вв. до н.э. В качестве реперных памятников исследователи использовали позднеананьинский Зуевский могильник, пьяноборский Уяндикский I могильник и позднекарабызский Биктимировский

могильник. Сравнивая эти памятники по 54 альтернативным признакам обряда, исследователи пришли к выводу о том, что погребальный обряд сравниваемых могильников различается незначительно и по основным его признакам Уфимский могильник ближе стоит к Уяндикскому и Биктимировскому (Овсянников, Яминов, 2003). Недостаток проделанной названными исследователями работы заключается в том, что они произвели недостаточно корректный отбор исходных данных: **сравниваемые выборки, очень незначительные по объему, сравнивались по всем зафиксированным признакам, а не по представительным** (выделенное здесь относится к тексту настоящей статьи. – В.И.). Мы предлагаем свой вариант сравнительно-статистического анализа могильников ананьинской (Зуевский – 218 погребений, нижний порог значимости = 2%), карабызской (Шиповский грунтовый и Охлебининский могильники – 270 погребений, порог значимости = 1%), пьяноборской (Кушулевский III, Уяндикский I, Юлдашевский, Ново-Сасыкульский, Чеганда II, Ныргында I и II, Старо-Киргизовский, Камышлытамакский, Урманаевский, Деуковский II и др. – 2191 погребение, порог значимости = 0,2%) культур. Основным же объектом анализа в данном случае выступает Шиповский курганный могильник – единственный пока в бассейне р. Белой погребальный памятник «гафурийского» типа (54 погребения, порог значимости = 5%)» (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 61).

Здесь мы должны остановиться на определениях «представительные признаки» и «нижний порог значимости». Чтобы не занимать места в статье

цитатой на 1–1,5 страниц, ограничусь пересказом параграфа 3.3 из монографии В.Ф. Генинга и др., посвященной методике статистических методов в анализе археологического материала, а именно погребальных памятников. Сравнивая погребальный обряд тех или иных археологических культур между собой, мы обычно имеем дело с N-м количеством объектов (погребений), составляющих естественную (или стихийную) выборку, «которая формируется из имеющегося в наличии источника и пополняется по мере открытия новых памятников, т.е. в процессе раскопок». Количественный объем этих выборок не равнозначен: в одной – больше, в другой – меньше, это объективная реальность. «Пользуясь естественной выборкой, археолог должен обратить особое внимание на ее *представительность*, которая означает, что отобранные и изучаемые единицы **будут отражать существенные свойства генеральной совокупности** (выделено мной. – В.И.). Она определяется двумя факторами: однородностью выборочных данных и их достаточно большим количеством». Количество единиц (признаков), отражающих существенные свойства генеральной (она же – естественная) совокупности находится в прямой зависимости от ее, совокупности, объема. В.Ф. Генингом и его сотрудниками была разработана таблица соответствия нижнего уровня величины процентного показателя и минимального объема выборки при четырех различных степенях вероятности. Согласно этим разработкам, «археолог при количественном формировании выборки может опираться на предельный уровень представительности процентных показателей распределения

признаков при заданной степени вероятности. Так, при уровне представительности показателя распределения признака, равном 1,0%, при степени вероятности 0,95 выборка должна составлять не менее 381 единицы, т.е. при наличии выборки не менее 381 единицы и степени вероятности 0,95 уровень представительности показателей распределения признаков равен 1,0%. **Это означает, что показатели ниже этой величины не являются значимыми...**» (выделено мной. – В.И.) (Генинг и др., 1990, с. 59–65).

Вернемся к раскритикованным Р.Д. Голдиной и В.В. Напольских таблицам: в табл. 16 указано, что из 218 погребений Зуевского могильника (почему, по мнению критиков, я «презрел числом погребений», если они указаны в последней строке таблицы?), а это составляет нижний порог значимости признака 2% при степени вероятности 0,95, абсолютно преобладающими (88%) оказываются погребения, ориентированные головой на северо-запад, 5% ориентированы на северо-восток и 4% – на юго-восток, т.е. 97% в общей сложности. Остальные 3% погребений (в абсолютных числах это 6 погребений, ориентировка которых может быть какая угодно или вообще не установлена – это для данной выборки уже не существенно) просто в таблице не учтены. Что вполне логично, ибо наша задача заключалась в том, чтобы выяснить степень типологического сходства могильников ананьинской, карабызской и пьяноборской культур именно по представительным (существенным) признакам погребального обряда. То же самое относится и к Шиповскому, и к Уфимскому могильникам.

Аналогичным образом можно проверить данные табл. 19 нашей монографии, где приведены суммарные характеристики признаков погребального обряда гороховской (104 погребения, нижний порог значимости = 4%) и ранней неволинской (117 погребений, нижний порог значимости не ниже 3%). И здесь действительно обнаруживается досадный промах автора этих строк: в строках «ориентировка погребенного» столбца «Гороховская культура IV–II вв. до н.э.» в строке ориентировка на запад и северо-запад ошибочно указаны 4,8% и 18,2% соответственно. А должно быть (соответственно) 2,8%¹ и 17,3%. Следовательно, соответствующие корректировки требуются и в таблице 20 «Норма распределения и тенденция признаков погребального обряда могильников гороховской и неволинской культур» (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 72). Но, и это важно подчеркнуть, после их внесения общий наш вывод о том, что «полученные результаты однозначно указывают на то, что прямая генетическая преемственность между гороховской и ранней неволинской культурами проведена быть не может... То есть, пока участие носителей саргатской (в ее «гороховском» варианте) культуре в этногенезе приуральских угров (ранних «неволинцев») остается на уровне гипотетических предположений» (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 73), только усиливается, поскольку коэффициент формально-типологического сходства погребального обряда гороховских и неволинских могильников по 34 альтернативным призна-

кам (C_3) понизился с 0,44 (там же, с. 73) до 0,41.

С чувством досады на собственную небрежность, допущенную при окончательной сверке таблиц, опубликованных в нашей монографии 2009 г., – с одной стороны, с другой – с благодарностью критикам, эту небрежность обнаружившим, обращаюсь к табл. 21 (Белавин и др., 2009, с. 91–93). В контексте выдвинутой нами концепции угорской этнокультурной доминанты в Предуралье во второй половине I тыс. н.э. она является основной, поэтому должна быть рассмотрена детально. Правда, вначале мне хотелось бы напомнить уважаемым оппонентам, что в статистических таблицах принято, в первую очередь, указывать в последней строке общее количество единиц анализа (в нашем случае – общее количество погребений в сравниваемых выборках). Чего, увы, в рассматриваемой таблице мною сделано не было. Хотя на предшествующей указанной таблице странице нами сказано, что при ее составлении «обработке подверглись данные 589 опубликованных и неопубликованных погребений ломоватовской археологической культуры (Каневский, Редикорский, Баяновский, Плесинский, Рождественский, Огурдинский, Запосельский могильники), 117 «неволинских» погребений (Бродовский, Верх-Саинский могильники), 241 погребение западносибирских средневековых могильников (Сайгатинские, Барсов городок, Окуневский могильники), 97 погребений зауральских могильников (Ликинский, Пылаевский, Макушинский, Лихачевский, Перейминский могильники), 180 погребений караякуповской культуры» (Белавин и др., 2009,

¹ То есть признак не существенный для данной выборки.

с. 90). Но эта наша справка почему-то была обойдена вниманием наших уважаемых оппонентов, вследствие чего, очевидно, автор этих строк и был заподозрен в каких-то махинациях.

Позволю себе небольшую ремарку: по моему убеждению, введение в статистические таблицы двойных показателей – вначале в абсолютных цифрах, а затем они же в процентах – это в большей степени наукообразно. Дело в том, что если исследователь имеет дело с малыми выборками (до 20 единиц), перевод их в проценты, как правило, выглядит забавным, а если с большими, то абсолютные цифры оказываются уже излишними.

Тем не менее замечания оппонентов заставили автора этих строк вновь пересмотреть данные табл. 21 с целью их уточнения и коррекции. Итак, наша задача – провести сравнительно-статистический анализ погребального обряда археологических культур Прикамья и Предуралья второй половины I тыс. н.э. с целью выявления степени их формально-типологического сходства (этнокультурной близости носителей этих культур). Для этого были использованы данные по 180 погребениям кушнаренокской и караякуповской культуры; 589 погребениям ломоватовской культуры; 298 погребениям ломоской (чепецкой) культуры; 190 погребениям неволинской культуры; 97 погребениям могильников лесного Зауралья; 241 погребению Западной Сибири. Поскольку генеральная цель нашего исследования – установить роль угорского этнокультурного компонента в составе перечисленных культур, для сравнения нами также были использованы данные по 190 погребениям древних венгров «Арпадского периода» на Дунае.

Теперь поясним приведенные цифры, обратившись к авторитету основоположников статистических методов анализа в российской археологии Г.А. Федорова-Давыдова и В.Ф. Геннинга.

«Одним из основных понятий математической статистики является понятие *генеральная совокупность*», представляющее собой модель источника данных. Применительно к археологии это понятие можно интерпретировать как совокупность объектов, объединенных какими-либо признаками или качествами, бывших в употреблении, обиходе, «бытовавших» в определенный период на определенной территории. Это «генеральная совокупность» предметов или явлений недоступна для полного изучения. Некоторое количество элементов этой совокупности превращается в археологический материал и образует *выборку* из генеральной совокупности. Выборку из этой выборки составляет тот археологический материал, который попал в поле зрения исследователя. Таким образом, археологи по выборке пытаются, используя методы и приемы математической статистики, судить о тех или иных свойствах генеральной совокупности.

Упрощенно говоря, генеральная совокупность – это то, из чего произведена выборка...» (Федоров-Давыдов, 1987, с. 14 и сл.).

«Если формирование выборки непосредственно подчинено решаемой задаче, а ее качественный состав зависит от компетентности исследователя, то ее количественный состав для статистического анализа должен соответствовать правилам, принятым в статистике. Это связано с тем, что для решения определенной задачи иссле-

дователь имеет возможность привлекать различное количество материала – весь имеющийся в наличии материал или только часть его. Последнее вызвано не только тем, что источник может быть количественно представителем, так что его трудно проанализировать. Не всегда это необходимо и делать. Для этого в статистике разработан выборочный метод. Суть его заключается в том, что можно подвергать анализу только часть, а не все имеющиеся объекты. Часть и целое в этой системе соотносятся через понятия выборка и генеральная совокупность.... Таким образом, выборка – это часть генеральной совокупности, которая подлежит непосредственному изучению. Методологическим основанием применения выборочного метода является идея отражения целого в его части» (Генинг, Бунятян и др., 1990, с. 60).

Выборка должна отвечать двум требованиям: быть **случайной и представительной**. Первое обеспечивает равную вероятность попадания каждого объекта в количество изучаемых единиц (выборку). Тем самым исключается субъективность, тенденциозность и односторонность в подборе фактов (там же, с. 61). На практике это означает, что в статистическую обработку должны браться первые, «попавшие под руку» объекты (в нашем случае – погребения) из сравниваемых групп (археологических культур) (Федоров-Давыдов, 1987, с. 16 и сл.).

Что же касается представительности, т.е. такого количества сравниваемых единиц, которые «будут отражать существенные свойства генеральной совокупности», то они должны быть однородны и их должно быть доста-

точно много (там же, с. 62). «Выявление оптимального объема выборки в каждом конкретном случае составляет отдельную задачу и зависит от многих причин. Пока в этом плане нет достаточных разработок и потому каждый исследователь по-своему обуславливает тот или иной объем взятых для исследования объектов. Причем нарекая исследователя, как правило, получает за слишком малую выборку, особенно когда у него имеется возможность использования большей. Поэтому если вопрос оптимальности объема выборки сейчас решить затруднительно, то **допустимые минимальные ее размеры определить можно** (конечно, мы не имеем в виду те случаи, когда естественная выборка мала и расширить ее пока нет возможности)» (там же, с. 63, выделено мной. – В.И.).

С целью облегчить исследователю процедуру определения минимальных размеров выборки В.Ф. Генингом и его коллегами-соавторами была разработана и опубликована таблица соответствия нижнего уровня процентного показателя и минимального объема выборки (там же, с. 64). Этой таблицей в своих исследованиях я пользуюсь уже много лет.

Этот несколько пространственный экскурс я позволил с целью, во-первых, напомнить коллегам о давно разработанной и хорошо опубликованной методике статистического анализа массового археологического материала, во-вторых, для того, чтобы снять возможные вопросы о том, почему мною приведены те или иные количественные показатели, как они отбирались и просчитывались и т.д.

Начнем с принципов создания случайных выборок. Для сравнительно-

статистического анализа нами были отобраны 180 погребений кушнаренковско-караякуповской культуры (Мажитов, 1981; Пшеничнюк, 1984; Chalikowa-Chalikow, 1981; Казаков, 1978, с. 11–28). Для ломоватовской культуры были взяты данные по 589 опубликованным и неопубликованным погребениям Каневского, Редикорского, Баяновского, Плесинского, Рождественского, Огурдинского и Запосельского могильников. Для полломской/чепецкой культуры были взяты 298 погребений Варнинского могильника (Семенов, 1989). Для неволинской культуры – 190 погребений Неволинского могильника (Erdelyi, Ojtozi, Gening, 1969; Голдина, Водолога, 1990, с. 47–65). По могильникам лесного Зауралья – это 97 погребений из Ликинского, Пылаевского, Макушинского, Лихачевского и Перейминского могильников (Викторова, 1973; Чернецов, 1957). Из западносибирских средневековых могильников – Сайгатинского, Барсов городок, Окуневский – 241 погребение². Наконец, была также сделана случайная выборка из 190 погребений древних венгров «Периода обретения родины на Дунае» (или Арпадского периода, по современной терминологии венгерских коллег): Aldebrő – Mocsaros, Dormand-Hanyipusztai, Kál-Legelő, Orosházapusztai I, Temesvar-Csókaerdő, Gnadendorf, Bashalmi (Bashalom) и др. (Revesz, 2008; Istvánovits, 2003; Daim, Lauer mann, 2006; Dienes, 1972).

Цифра в 190 неволинских и древневенгерских погребений нуждается

в пояснении, поскольку в реальности их известно гораздо больше. Но данные выборки позволяют оперировать нижними уровнями процентного показателя характеризующих их признаков при степени вероятности в 0,95 не ниже 2%. Их можно удвоить, тогда нижний уровень процентного показателя поднимется до 1%. При дальнейшем увеличении выборки нижний показатель будет подниматься все выше и выше, приближаясь уже к сотым долям процента (Генинг, Бунятян и др., 1990, с. 64). Желаящие могут этим заняться, благо имеющаяся источниковая база к тому располагает. Но в данном случае достигаемый показатель нас вполне устраивает, поскольку он отвечает требованию, чтобы выборка была таковой, чтобы уровень минимального представительного показателя был достаточно низким при высокой степени вероятности (там же, с. 65).

Данные по представительным признакам сравниваемых археологических культур, полученные из **случайных выборок**, представлены в табл. 1.

² Пользуясь случаем, еще раз хочу поблагодарить К.Г. Карачарова, А.В. Старкова, Е.О. Святову за предоставленную возможность использовать их неопубликованные материалы.

Таблица 1

Представительные признаки погребального обряда культур Уральского региона и венгров Арпадского периода (в %%)

№	Признак		Культура						
			Венгры	Кушнаренк./ Каракуп.	Ломовагов.	Полом/ Чепецк	Неволин.	Зауралье	Зап.Сиб.
1	Могильник	Грунтовый	100	45,1	100	100	99,0	100	86,6
2		Курганный	-	54,8	-	-	-	-	13,3
3	Насыпь земляная		-	100	-	-	-	-	13,3
4	Кости животных		-	35,3	-	-	-	-	23,3
5	Количество погребений	Одно	100	47,2	98,3	98,4	96,8	95,0	50,0
6		Два и более	-	52,8	-	-	3,1	-	50,0
7		Парное	-	-	1,7	-	-	5,0	7,0
8	Конструкция могилы	Простая	85,8	92,4	78,4	98,4	91,6	93,0	72,0
9		Стенки суживаются	5,8	-	1,8	-	-	-	-
10		Ступенька слева	-	-	4,9	-	-	-	-
11		Ступеньки у длинных стеноч	-	-	2,2	-	-	-	-
12		Ступеньки у коротких стеноч	-	-	9,1	-	-	-	-
13		Ступеньки у всех стеноч	-	-	5,6	-	-	3,7	5,0

14	Конские захоронение	В насыпи кургана или возле могилы	-	24,9	-	-	12,6	-	-
15		В могиле слева	6,3	-	-	-	-	-	-
16		В могиле у ног	17,3	6,1	8,5	2,0	-	-	-
17		В заполнении могилы	-	-	-	5,3	-	-	-
18		Сбруя без коня	11,0	25,6	3,7	13,4	27,5	-	10,7
19	Ориентировка погребенного	Запад	63,7	33,0	14	24,8	17,3	-	-
20		Восток	-	-	17,1	31,5	20,5	7,8	-
21		Север	-	16,1	28,2	17,1	-	28,4	31,0
22		Юг	-	-	0,8	-	23,1	7,0	-
23		Юго-запад	20,5	6,6	5,1	-	7,9	7,0	5,0
24		Юго-восток	-	-	2,9	-	16,3	29,6	-
25		Северо-запад	14,2	24,4	24,2	-	11,5	8,6	50,0
26		Северо-восток	-	-	5,6	2,7	-	10,7	-
27		Не определена	-	19,0	2,1	22,0	-	-	14,0

28	Поза погребенного	Выгнуто на спине	95,2	76,6	28,1	69,4	71,0	35,0	21,6
29		Не определено	4,2	23,4	71,4	30,6	28,4	64,2	56,6
30		Руки выгнуты	49,4	53,3	-	54,3	11,0	35,0	14,9
31		Одна рука согнута	20,5	23,3	-	10,4	6,2	-	6,9
32		Обе согнуты	23,1	-	-	-	4,7	-	-
33	Детали ритуала	Дощатый гроб	-	-	4,4	6,7	16,8	9,0	-
34		Рама	-	-	1,2	-	-	3,3	-
35		Неизвестно	-	6,7	91,2	-	6,8	69,1	9,0
36		Подстилка лубяная	-	-	3,2	25,1	-	22,2	-
37	Сосуд	У головы	4,7	48,7	-	47,6	25,2	-	-
38		У ног	-	-	21,9	12,0	4,2	-	12,0
39		В заполнении	-	23,3	28,3	-	9,4	58,8	55,3

39	Угли в могиле	-	-	59,4	64,0	4,2	89,7	9,0	
40	Конская сбруя в погребении	Удила с перетягом	26,8	32,0	8,3	11,7	25,8	-	5,1
41		В зубах коня	13,7	-	-	-	-	-	-
42		Удила у ног	9,4	7,2	5,4	4,0	23,1	-	-
43		Стремя одно	5,8	11,1	2,4	5,0	8,4	-	-
44		Стремян два	24,7	2,7	-	-	3,6	-	-
45		Стремя на конце	12,6	-	-	-	-	-	-
46		Стремя у ног	14,7	8,9	2,4	5,0	-	-	-
47		Накл. узды	5,2	4,4	-	-	-	-	-
48		Оружие	Наконечники стрел	25,8	29,3	19,5	27,8	17,9	27,1
49	сабля		6,3	7,2	2,5	2,0	6,3	2,1	-
50	копье		-	-	4,4	11,4	4,7	-	-
51	топор		2,6	2,2	12,9	2,0	8,9	3,3	-
52	Накладки лука		6,8	10,0	-	-	-	-	-
53	колчан		10,0	2,2	-	2,7	-	-	-

54	Поющая гарнитура	накладки	5,2	59,8	45,5	16,4	27,3	16,0	22,4
55		пряжки	7,9	32,0	27,6	20,8	42,1	10,7	20,7
56		Целый пояс	3,1	9,8	10,7	5,7	15,8	-	-
57	Украшения	Кольцевидные подвески	37,9	8,3	1,5	13,7	12,1	-	-
58		Шумящие подвески	-	17,0	14,1	7,0	4,7	4,5	-
59		Напусские бусины	5,8	-	49,6	28,5	13,7	7,4	-
60		Бубенчики	4,7	-	26,4	-	6,8	14,0	5,1
61		Бусы	8,9	16,3	42,9	28,2	41,0	8,2	17,2
62		Ожерелье	4,2	7,2	-	5,7	7,3	-	-
63		Перегень	8,9	18,3	14,9	2,3	11,5	3,7	6,9
64		Браслет	2,3	26,0	17,1	17,7	12,6	16,4	10,3
65		Пронизки	-	11,4	38,0	21,1	19,3	14,8	-
66		Гривна	3,1	-	0,7	2,7	-	-	-
67		Височные кольца	-	3,5	27,5	-	-	23,4	10,3
68		Иные украшения	2,1	11,4	35,0	5,3	6,8	37,4	20,7

69	Другие вещи	Нож	16,8	21,1	37,5	42,9	56,8	45,2	17,2
70		Кресало	7,3	-	-	6,0	3,7	-	-
71		Шило	-	-	2,7	-	2,6	2,0	-
72		Монеты	4,7	-	12,4	-	9,4	-	-
73		Сумка	-	-	5,1	5,0	-	-	-
74		Маска	2,6	1,0	11,0	-	4,2	11,5	8,0
Всего погребений:			190	180	589	298	190	97	241

Коэффициент формально-типологического сходства S_2 , учитывающий показатели сходства сравниваемых объектов не только по одновременно присутствующим, но и по отсутствующим признакам (Федоров-Давыдов, 1987, с. 144), выраженный графически, показывает, что наиболее тесную связь между собой обнаруживают могильники неволинской, ломовской культур лесного Прикамья, кушнарниковские/караякуповские в лесостеп-

ном Предуралье и древних венгров на Дунае; ломовские, неволинские и ломоватовские могильники; ломоватовские, неволинские могильники и могильники лесного Зауралья; могильники лесного Зауралья и Западной Сибири (табл. 2). То есть ничего принципиально нового по сравнению с теми результатами, которые уже были нами опубликованы, мы не получаем (Белавин и др., 2009, с. 118, рис. 21; Иванов, 2013, с. 80 и сл.).

Таблица 2

Таблица показателей парного типологического сходства погребального обряда культур Уральского региона и венгров Арпадского периода

	Венгры	Кушнарник./ Караякуп.	Ломоватов.	Полом/ Чепецк	Неволин.	Зауралье	Зап.Сиб.
Венгры	-						
Кушнарник./ Караякуп.	0,84	-					
Ломоватов.	0,71	0,72	-				
Полом/ Чепецк	0,81	0,82	0,82	-			
Неволино	0,83	0,83	0,82	0,83	-		
Зауралье	0,67	0,72	0,85	0,73	0,81	-	
Зап.Сиб.	0,71	0,84	0,74	0,71	0,77	0,84	-

Граф, построенный на основании приведенной выше таблицы, при критерии значимости, равном 0,90, показывает, что все сравниваемые группы погребальных памятников типологически близки между собой (рис. 1). А это, по мнению ряда исследователей (Д. Кларк, Г.А. Федоров-Давыдов, В.Ф. Генинг), указывает на то, что они принадлежат к **вариантам одной археологической культуры** (Генинг и др., 1990, с. 132 и сл.).

Пора делать выводы. Они тривиальны, поскольку уже были неоднократно опубликованы. Погребальный обряд могильников археологических культур Урала и Прикамья второй половины I тыс. н.э. указывает на то, что эти культуры составляли одну этнокультурную общность или (что, на мой взгляд, будет точнее) один этнокультурный ареал (ЭКА). Понятие это было введено Д.Г. Савиновым, и оно означает, прежде всего, территорию, на которой сложилась определенная этнокультурная общность. В археологическом контексте ЭКА – это пространственно-культурное выражение археологической культуры на определенном хронологическом срезе. Название ЭКА дается по известному из письменных источников этнониму, локализованному в это же время на той же территории. В пределах каждого ЭКА возможно как сплошное, так и дисперсное расселение носителей данного этнонима, узкая этническая принадлежность которых (по языку, происхождению и т.д.) может быть различной. В силу последнего обстоятельства на одной территории в одно и то же время могут быть представлены археологические памятники, различающиеся по деталям погребального обряда, приемам

орнаментации керамики и другим наиболее традиционным культурным элементам. Однако в рамках одного этносоциального объединения у них складываются общие культурные особенности, отраженные в археологических материалах, которые и являются основанием для выделения ЭКА (Савинов, 1984, с. 48). В данном случае мы имеем дело с ЭКА культур с т.н. резной и штампо-гребенчатой керамикой, занимавшим территорию лесного и лесостепного Урала от левых притоков Оби до Камы.

Здесь возникает соблазн в очередной раз определить его как угорский. Но у меня возникает другое предложение: может быть, сейчас будет более целесообразным дать тайм-аут нашим коллегам-языковедам, которые (и это очевидно) пока еще не обладают надежно выверенным механизмом датирования этнолингвистических процессов, пригодным для того, чтобы убедительно совмещать их с этапами генезиса археологических культур. Поэтому, будучи вовлеченными в дискуссию по этнокультурным интерпретациям археологического материала, они невольно начинают путаться сами и путать нас: упомянутая выше несостоявшаяся дискуссия по угорской проблеме показала, что к междисциплинарным исследованиям ни археологи, ни языковеды пока не готовы. Следовательно, в настоящее время гораздо целесообразнее будет археологам с использованием всех доступных методов археологического источниковедения прежде всего объяснить этот феномен – типологическое сходство археологических культур Урала и Прикамья второй половины – конца I тыс. н.э. Или доказать полное отсутствие такового.

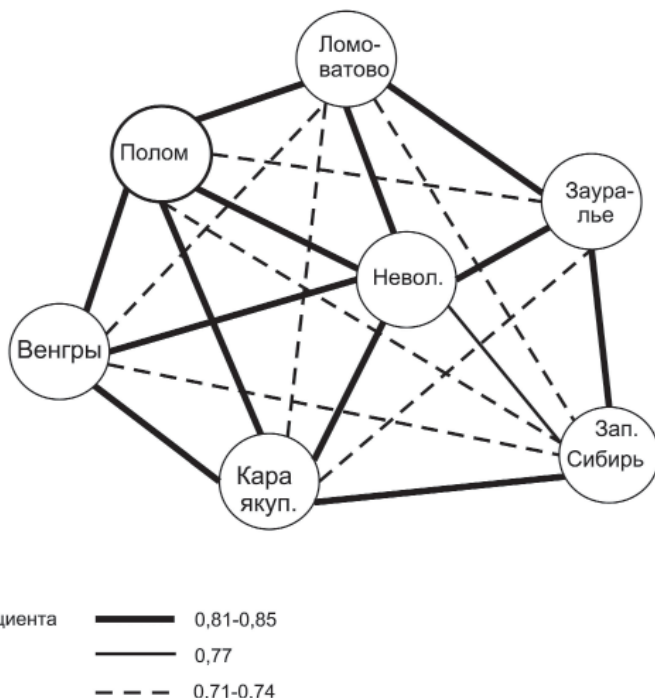

Рис. 1. Граф типологического сходства могильников археологических культур Урала второй половины I тыс. н.э. и венгров «периода Арпадов».

Fig. 1. Typological similarity of the Ural archaeological cultures burial grounds in the second half of I Millennium AD and Hungarians in the “Arpad period”.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа: БГПУ, 2009. – 285 с.
2. *Белавин А.М., Иванов В.А.* К пониманию существования угорской проблемы в Прикамье и Предуралье // ВПУ. – 2011. – Вып. 1(15). – С. 173–180.
3. *Викторова В.Д.* Ликийский могильник // ВАУ. – Вып. 12. – Свердловск, 1973. – С. 133–167.
4. *Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А.* Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). – Киев: Наукова думка, 1990. – 304 с.
5. *Голдина Р.Д.* Некоторые замечания относительно формирования теории угорского присутствия в Предуралье в эпоху средневековья // II Международный Мадьярский симпозиум: сборник научных трудов. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 89–110.
6. *Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 176 с.
7. *Голдина Р.Д., Напольских В.В.* «Угорская эпоха в истории Предуралья»: научная гипотеза или историографический казус? // Переходные эпохи в археологии. Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». – Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ, 2013. – С. 90–93.

8. *Иванов В.А.* Урало-сибирские истоки погребального обряда венгров периода «Обретения Родины» // II Международный Мадыарский симпозиум: сборник науч. тр. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 75–84.
9. *Иванов В.А.* Дискуссия ради дискуссии или об «экономной мудрости бытия» (по поводу полемики вокруг проблемы формирования предананьинской общности Волго-Камья и Приуралья) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. – Вып. 20. – Казань: Отечество, 2014. – С. 106–115.
10. *Казаков Е.П.* Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. – М.: Наука, 1978. – 128 с.
11. *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф.* Спорные вопросы изучения этнокультурных процессов на территории Пермского Приуралья в эпоху поздней бронзы // Тр. КАЭЭ. – Вып. VII. – Пермь: ПГГПУ, 2011. – С. 175–187.
12. *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Современное состояние проблем изучения среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Прикамье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. – Вып. 20. – Казань: Отечество, 2014. – С. 116–131.
13. *Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. – М.: Наука, 1981. – 162 с.
14. *Мельничук А.Ф., Чагин Г.Н.* Современное состояние «угорской» концепции в свете письменных и ономастических источников Пермского края // ВПУ. – 2010. – Вып. 2 (14). – С. 140–153.
15. *Пастушенко И.Ю.* «Угорская эпоха Прикамья» – вымысел или реальность? // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции. – Казань: ИИ АН РТ, 2009. – С. 197–198.
16. *Пастушенко И.Ю.* Возможно ли говорить об «угорской эпохе в Прикамье»? // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – Вып. 1. – С. 144–150.
17. *Пшеничнюк А.Х.* Курганы средневековых кочевников на Южном Урале // Памятники кочевников Южного Урала. – Уфа, 1984. – С. 60–74.
18. *Савинов Д.Г.* Этнокультурные ареалы Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Проблемы археологии степей Евразии. – Кемерово, 1984. – С. 46–54.
19. *Семенов В.А.* Варнинский могильник // Новый памятник поломоской культуры. – Ижевск, 1989. – С. 5–105.
20. *Федоров-Давыдов Г.А.* Статистические методы в археологии: Учебное пособие для вузов по специальности «История». – М.: Высшая школа, 1987. – 216 с.
21. *Чернецов В.Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. – № 58. – М., 1957. – С. 136–185.
22. *Chalikowa E.A., Chalikow A.H.* Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). In: *Régészeti füzetek*. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1981, ser. II, no 21, 132 p.
23. *Daim F.-Lauer mann E.* Das Frühungarishe Reitergrab von Gnadendorf (Niederösterreich). Mainz, 2006, 295 p.
24. *Dienes I.* Un cimeteiere de Hongrois conquerants Bshalom. In: *AAH*, VII/1–4, pp. 24–37.
25. *Erdélyi I., Ojtozi E., Gening V.* Das Gräberfeld von Newolino. Ausgrabungen von A.V. Schmidt und der Archäologischen Kama-Expedition. Budapest, 1969, 94 p.
26. *Istvánovits E.* A Rétköz honfoglalás és Árpád-kori emlékanyaga. Nyíregyháza, 2003, 499 p.
27. *Revesz L.* Heves megye 10–11. századi temetői. Budapest, 2008, 491 p.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Российская Федерация); ivanov-sanyuch@inbox.ru

UGRIC PEOPLES IN THE CIS-URAL REGION: CONTINUED**V.A. Ivanov**

The article is a response to the criticism of the concept of Ugric presence in the Kama and the Urals region in the early Middle Ages, which was advanced at the XIX Urals archaeological congress in Syktyvkar in 2013. The severest criticisms were aimed by R.D. Goldina and V.V. Napolskikh at the findings of the underlying archaeological statistical analysis conducted by the author of this article. Some comments turned out to be correct. Having considered these critical remarks, in this article, the author presents the results of a new statistical analysis of the funerary rite of archaeological cultures in the Kama region and the Ural region in the second half of I millennium AD, and their synchronous cultures from the forest zone of the Trans-Ural region and Western Siberia and the ancient burial grounds of the Hungarians (the Arpad period) on the Danube. He sets out the principles of selection of the input materials and methods of their statistical analysis. The conducted studies allow a conclusion: Lomovatovo, Nevolino, Polom culture in the Kama region, Kushnarenkovo and Kara-Yakupovo cultures in the forest-steppe zone of the Cis-Ural region, forest culture from the Trans-Urals and Western Siberia, in fact, represent one ethnocultural area (ECA) and are typologically associated with the archaeological culture of the ancient Hungarians. In conclusion, the author proposes to abandon, for a while, further attempts to combine data of archaeology and historical linguistics in ethnic reconstructions and explain the phenomenon of high typological similarity of the above cultures using modern methods of analysis of archaeological material, or prove absence of such phenomenon.

Keywords: archaeology, Kama region, Cis-Ural region, early Middle Ages, Ugrians, funerary rite, statistics, representative sample, typological similarity, ethnic-cultural area.

REFERENCES

1. Belavin, A. M., Ivanov, V. A., Krylasova, N. B. 2009. *Ugry Predural'ia v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals Ugric Peoples in the Antiquity and Middle Ages)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University (in Russian).
2. Belavin, A. M., Ivanov, V. A. 2011. In *Vestnik Permskogo universiteta (Bulletin of the Perm University)* (1 (15)), 173–180 (in Russian).
3. Viktorova, V. D. 1973. In *Voprosy arkheologii Urala (Problems of Archaeology of Ural)* 12. Sverdlovsk, 133–167 (in Russian).
4. Gening, V. F., Buniatian, E. P., Pustovalov, S. Zh., Rychkov, N. A. 1990. *Formalizovannostatisticheskie metody v arkheologii (analiz pogrebal'nykh pamiatnikov) (Formalized-Statistic Methods in Archaeology (Analysis of Funerary Sites))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
5. Goldina, R. D. 2013. In *II Mezhdunarodnyi Mad'iariskii simpozium (2nd International Magyar Symposium)*. Chelyabinsk: "Rifei" Publ., 89–110 (in Russian).
6. Goldina, R. D., Vodolago, N. V. 1990. *Mogil'niki nevolinskoi kul'tury v Priural'e (Cemeteries of the Nevolino Culture in the Cis-Urals Region)*. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian).
7. Goldina, R. D., Napol'skikh, V. V. 2013. In *Perekhodnye epokhi v arkheologii. XIX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (Perekhodnye epokhi v arkheologii (Transitional Stages in Archaeology: 19th Ural Archaeological Session))*. Syktyvkar: Institute of Language, Literature, and History Komi NTs, 90–93 (in Russian).

8. Ivanov, V. A. 2013. In *II Mezhdunarodnyi Mad'iariskii simpozium (2nd International Magyar Symposium)*. Chelyabinsk: "Rifei" Publ., 75–84 (in Russian).
9. Ivanov, V. A. 2014. In *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan, 106–115 (in Russian).
10. Kazakov, E. P. 1978. *Pamiatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii (Sites of Bulgarian Time in the Eastern Parts of Tataria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
11. Koreniuk, S. N., Mel'nichuk, A. F. 2011. In *Trudy Kamskoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VII. Perm: Perm State Pedagogical University, 175–187 (in Russian).
12. Koreniuk, S. N., Mel'nichuk, A. F., Pereskokov, M. L. 2014. In *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan, 116–131 (in Russian).
13. Mazhitov, N. A. 1981. *Kurgany Iuzhnogo Urala VIII–XII vv. (Barrows of Southern Ural, 8th – 12th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
14. Mel'nichuk, A. F., Chagin, G. N. 2010. In *Vestnik Permskogo universiteta (Bulletin of the Perm University)* (2 (14)), 140–153 (in Russian).
15. Pastushenko, I. Yu. 2009. In *Forum «Idel'-Altai» ("Idel'-Altai" Forum)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 197–198 (in Russian).
16. Pastushenko, I. Yu. 2011. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of the Udmurt University)* (1), 144–150 (in Russian).
17. Pshenichniuk, A. Kh. 1984. In *Pamiatniki kochevnikov Iuzhnogo Urala (Sites of Southern Ural Nomads)*. Ufa: Academy of Sciences of the USSR, Bashkiria Branch, 60–74 (in Russian).
18. Savinov, D. G. 1984. In *Problemy arkheologii stepei Evrazii (Issues of the Eurasian Steppes Archaeology)*. Kemerovo, 46–54 (in Russian).
19. Semenov, V. A. 1989. In *Novyi pamiatnik polomskoi kul'tury (New Site of the Polom Culture)*. Izhevsk, 5–105 (in Russian).
20. Fedorov-Davydov, G. A. 1987. *Statisticheskie metody v arkheologii (Statistic Methods in Archaeology)*. Moscow: "Vysshiaia shkola" Publ. (in Russian).
21. Chernetsov, V. N. 1957. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 58, 136–185 (in Russian).
22. Chalikowa, E. A., Chalikow, A. H. 1981. *Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani)*. Régészeti füzetek. Ser. II, No 21. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.
23. Daim, F., Laueremann, E. 2006. *Das Frühungarishe Reitergrab von Gnadendorf (Niederösterreich)*. Mainz.
24. Dienes, I. 1972. Un cimetière de Hongrois conquérants à Bashalom. In *AAH VII/1–4*, 24–37.
25. Erdélyi, I., Ojtozi, E., Gening, V. 1969. *Das Gräberfeld von Newolino. Ausgrabungen von A. V. Schmidt und der Archäologischen Kama-Expedition*. Budapest.
26. Istvánovits, E. 2003. *A Rétköz honfoglalás és Árpád-kori emlékhelye*. Nyíregyháza.
27. Revesz, L. 2008. *Heves megye 10–11. századi temetői*. Budapest.

About the Author:

Ivanov Vladimir A., Doctor of Historical Sciences, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah. Oktyabrskoy Relolyutsii St., 3a, building 1, Ufa, 450000, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru, ivanov-sanych@rambler.ru